

Научная статья

УДК 94(574/575)

doi: 10.17223/24099554/24/12

Конструирование образа русского Туркестана в travелогах имперских экспертов второй половины XIX – начала XX века

Михаил Константинович Чуркин^{1, 2}

Садокат Максудовна Маткаримова³

Назокат Максудовна Маткаримова⁴

¹ Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

² Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения

Российской академии наук, Тобольск, Россия

^{3, 4} Университет Мамун, Хива, Республика Узбекистан

^{1, 2} proffchurkin@yandex.ru

³ sadokatmatkarimova@yandex.ru

⁴ ms.mnm.79@mail.ru

Аннотация. В статье на материалах travелогов путешественников в Туркестанский край второй половины XIX – начала XX в., выступавших в качестве имперских экспертов, выявляются компоненты образа русского Туркестана, презентируемые в представлениях членов сообщества в широкой хронологической перспективе. Установлено, что конструирование образа региона в текстах экспертов являлось продуктом инерционных, многослойных и противоречивых представлений о нём. Зафиксированная в travелогах неоднозначность в презентации Туркестана как «собственного Востока России», создавала новый формат образного восприятия края, внося корректизы в реализацию имперской политики на восточных окраинах страны.

Ключевые слова: внутренняя колонизация, образ, русский Туркестан, travelog, имперские эксперты, презентации

Для цитирования: Чуркин М.К., Маткаримова С.М., Маткаримова Н.М. Конструирование образа русского Туркестана в travelогах имперских экспертов второй половины XIX – начала XX века // Имагология и компаративистика. 2025. № 24. С. 255–271. doi: 10.17223/24099554/24/12

Original article

doi: 10.17223/24099554/24/12

Construction of the image of Russian Turkestan in the travelogues of imperial experts of the second half of the 19th – early 20th century

---

Mikhail K. Churkin^{1, 2}

Sadokat M. Matkarimova³,

Nazokat M. Matkarimova⁴

¹ *Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation*

² *Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russian Federation*

^{3, 4} *Mamun University, Khiva, Republic of Uzbekistan*

^{1, 2} *proffchurkin@yandex.ru*

³ *sadokatmatkarimova@yandex.ru*

⁴ *ms.mnm.79@mail.ru*

Abstract. The category "image of the region," widely spread in the spheres of humanitarian geography, cultural studies, philology, in the modern situation of polydisciplinarity in the first quarter of the 21st century, gradually covers the space of historical research. The situation of "turns" in humanitarian knowledge reorients historians today from the study of events to the comprehension of states: discourses of power and society, reflecting the intellectual, ideological, cultural perceptions of people in different phases of historical reality. In this regard, the experience of Russian colonisation was invariably associated with the construction of the "Other" in relation to which the empire implemented colonial practices, defining it as a subordinate, subaltern. As part of this process, the carriers of knowledge about the "Other" considered it sufficient justification for their own civilisational mission and cultural regeneration addressed to subalterns. The agents of the Russian Empire in the eastern peripheries, including the Turkestan region, were imperial experts – officials, writers, publicists, public figures, who, either by duty or personal motives, travelled to the peripheral regions that fully or fragmentarily participated in the system of Russian administration. During or as a result of their trips, the experts recorded their observations of territories and people in texts that reflected the perceptions of people whose consciousness had been shaped by the Enlightenment ideology. In their reception of the world of the "Other," they had a firm conviction that Russia was on the path of European civilisation and was not a multinational empire consisting of a metropolis and a dependent colonial periphery, but a nation-state

in the process of formation. In this respect, the literature of journeys to the Turkestan region represented the formula of "Russia's own East" and Turkestan as an organic part of the Russian Empire. The image of Russian Turkestan as an intellectual construct had a multicomponent and complex structure. In translating the perceptions of the region in travelogues, the expert community in its observations and conclusions sought to comply with the main principles of state policy in the Turkestan region: active Russification by means of education and the resettlement movement, cultural levelling by means of Christianisation and "pacification" of Islam supporters, and the iconic functional role of Russian administration. At the same time, in the process of penetration and familiarisation with the region, its stencil image changed, being filled with additional content, which set new contours for the region's image perception, making certain adjustments in the implementation of imperial policy in the eastern suburbs of the country.

Keywords: internal colonization, image, Russian Turkestan, travelogue, imperial experts, representations

For citation: Churkin, M.K., Matkarimova, S.M. & Matkarimova, N.M. (2025) Construction of the image of Russian Turkestan in the travelogues of imperial experts of the second half of the 19th – early 20th century. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 24. pp. 255–271. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/24/12

Вторая половина XIX – начало XX в. – важный период в отечественной истории как истории «внутренней» колонизации, определяемой А. Эткиндом в формате самоколонизации: освоения территорий, позиционируемых как собственные земли и колонизации населения, включая самих русских [1. С. 4]. Важно то, что в исследуемый период Россия не только активизировала процесс территориальных приобретений и стягивания их в общеимперское пространство, но и ментальное «освоение» восточных окраин, их интеллектуальное осознание как органичной части Российской империи.

В методологическом плане основу статьи, посвящённой конструированию образа русского Туркестана в travelогах имперских экспертов второй половины XIX – начала XX в., составляют гипотезы и выводы разных поколений гуманитариев, отстаивавших предположение о продуктивности конструктивистского принципа описания исторической реальности. Фронтмену данного направления Б. Андерсену принадлежит тезис о нации как воображаемом сообществе, а в трудах

его последователей развивалась идея о том, что регионы являются такими же воображаемыми объектами, конструируемыми в индивидуальном и массовом сознании [2–6]. В отношении азиатской периферии Российской империи, в том числе Туркестанского края, обладавшего неопределённым, размытым статусом (колония / окраина), адекватным представляется подход видного теоретика ориентализма Э. Саида, который полагал, что знания и власть, которыми обладал Запад в эпоху колониальных захватов, являются достаточным основанием для последующего господства над Востоком и его перманентного переизобретения [7].

В данном плане обращение к литературе путешествий исследуемого периода предоставляет научному сообществу возможность выявления компонентов образа Туркестана, конструируемого на материале динамичных представлений о регионе в контексте реализации имперского проекта колонизации / освоения приобретённых в 1860-х гг. военным путём территорий.

Как утверждает С. Беккер, в сообществе российских интеллигентов XIX в., чьё мировоззрение формировалось под влиянием идей Просвещения, сложилось твёрдое убеждение в том, что Россия идёт путём европейской цивилизации и является не многонациональной империей, состоящей из метрополии и зависимой колониальной периферии, а национальным государством в стадии формирования [8. С. 77]. В этой связи в конструировании образа Востока в целом и Туркестанского края, активно интегрируемого в имперское поле с 1860-х гг., имперские эксперты – чиновники, учёные, литераторы, публицисты, транслируя представления об азиатской периферии, отталкивались от универсального ориенталистского тезиса, сообразно с которым цивилизовать Восток можно исключительно посредством русской культурной ассимиляции.

Идея о «собственном Востоке России» и легитимности притязаний империи на земли, являвшиеся территориальным продолжением имперского пространства, подкреплялась историческим опытом коммуникации Руси, Московского государства, Российской империи с восточными народами и государствами, знанием о них и, как следствие, большими, чем у европейцев, основаниями для реализации цивилизаторской миссии. Более того, для имперских интеллигентов и полити-

ческих элит сама возможность культуртрегерства в отношении азиатских народов «собственного Востока» преобразовалась в убеждение о своей принадлежности к европейскому миру и, как следствие, моральном оправдании цивилизаторства и экспансионистских практик.

Во многом поэтому образ Туркестана в презентациях travелогов путешественников, посетивших регион во второй половине XIX – начале XX в., характеризуется изначальной *инерционностью*, трафаретностью представлений российского общества о Востоке как Другом, априори лишённом признаков цивилизованности. Так, для ранних travелогов, составленных путешественниками 1860-х гг., характерна органичная фиксация контраста должного и сущего в восприятии Туркестанского края, который выражался в величии государственного предприятия – покорении региона, населённого «дикарями». Учёный-ориенталист и писатель П.И. Пашино, побывавший в Туркестане в 1866 г., гордо констатировал в преамбуле к своему travелогу, что «русские знамёна уже развиваются на стенах Самарканда», однако, выезжая из Оренбурга, получил предупреждения об опасностях, которые могут исходить от местных жителей: «киргизятины, узкоглазых, степной шушеры...» [9. С. 1–3]. Спустя много лет, в 1916 г., тиражируя данную позицию, известный педагог, директор учительской семинарии в Ташкенте Н.П. Остроумов, в частной беседе отвечая на вопрос переселенческого чиновника А.А. Татищева о своих ощущениях от жизни в Туркестанском крае, парировал, что и дня не остался бы в крае, если бы из него вывели русские войска [10. С. 178].

Инерция в представлениях экспертов о нецивилизованных автохтонах рельефно проявлялась в оценочных суждениях путешественников в продолжение всего исследуемого периода и выражалась в шаблонной риторике «человека власти и культуры»: «...с этими джатаками ничего не поделаешь, выстроишь им избу, дашь лошадей, коров и другую скотину..., а он, злодей, продаст втихомолку хлеб на корню и купит себе юрту, расставит её на гумне и свистит целую зиму в кулак» [9. С. 4]; «киргиз беспечен и запасы сена произведены лишь в зимовьях, расположенных по почтовому тракту, а киргизский скот даже не понюхает заготовленного сена» [11. С. 28–29]; «Туркестан молод – ему только 50 лет..., но в нём преобладает туземная стихия» [12. С. 357].

Несмотря на то, что в течение второй половины XIX столетия в литературе путешествий конструкция образа русского Туркестана постепенно освобождалась от многих стереотипизированных представлений о регионе и его обитателях, можно с уверенностью констатировать сохранение, а в отдельных ситуациях – возобновление инерции восприятия края в переформатированном варианте. Внимательное вчитывание в тексты травелогов свидетельствует, что мотив культурной дискредитации и экзотизации коренного населения Туркестана постепенно уступал место риторике культурной ассилияции аборигенов, их инкорпорации в российский социум. С точки зрения путешественников, такой интеграции способствовали процессы распространения российских административных институтов и культурно-образовательной деятельности в инородческой среде, маркируемых как «русское дело» в Туркестанском крае. Ещё в 1860-х гг. путешественники фрагментарно отмечали некоторое несходство в представлениях об инородцах имперского чиновничества: от откровенно непрезентабельных характеристик до признания ситуативных причин отсталости коренного населения: «...народ до геройства честный, самолюбивый, ребячески-наивный и забитый вследствие постоянных смут в степи...» [9. С. 4]. На рубеже XIX–XX вв. русское присутствие и культуртрегерство, по логике рассуждений авторов травелогов, переломило неблагоприятную ситуацию. Путешественники в своих репрезентациях демонстрировали коммуникативное согласие в том, что распространение аграрных практик и хлопководства способствовало частичному переходу кочевников к оседлому образу жизни, а развитие некоторых отраслей, например, сенокошения, позволило сохранить скотоводство и придать новый импульс его развитию. И. Гейер, посетивший Сыр-Дарынскую область в 1893 г., с удовлетворением писал: «Хороший, кормлённый скот как нельзя лучше свидетельствует о зажиточности хозяев и только изредка картина довольства сменяется полной нищетой: то идёт переселенец, измотавший свою душу в бесконечном путешествии из России в Туркестан» [11. С. 30].

Туркестанский край как результат «русского дела» с 1890-х гг. становится основной сюжетной линией травелогов имперских экспертов, что, с одной стороны, свидетельствует о новом инерционном паттерне в конструировании образа региона, а с другой – указывает на

многоглубинастость представлений о Туркестане как воображаемом объекте. Ментальная география русского Туркестана в путевых заметках имперских экспертов репрезентируется по нескольким линиям.

Во-первых, «освоение» и осознание региона как «собственного Востока» или русской земли в текстах путешественников осуществляется с акцентом на констатацию выдающейся организационной миссии российской администрации в Туркестанском крае. В литературе путешествий по Туркестану, авторы которой в ходе своих поездок выполняли различного рода государственные поручения, линия власти в отдалённом от центра Туркестане присутствует в качестве одного из центральных сюжетов. Общеизвестно, что в условиях продвижения России к окраинам важным элементом управленческой практики являлось передоверение права принятия решений региональной администрации, что выражалось в обширных полномочиях местной бюрократии и глубоко личностном характере власти в реализации колониальных задач. По свидетельству источников, назначение А.П. фон Кауфмана на должность Туркестанского генерал-губернатора сопровождалось указанием о праве высшего губернского чиновника не только решать самостоятельно организационные вопросы, но и вести войны, а также заключать мирные договоры [13. С. IX].

В травелогах имперских экспертов второй половины XIX – начала XX в. повсеместно воспроизводится образ регионального администратора, обладавшего всей полнотой власти в границах вверенного ему пространства. П.И. Пашино по итогам поездок по фортам Сыр-Дарьинской области создал портретную галерею комендантов этих стратегически важных объектов, особо подчеркнув вотчинную манеру организации власти в них, во многом копировавшую модель управления высшей региональной администрации. В оценочных суждениях П.И. Пашино коменданты фортов характеризуются как «радушные и во всё вникающие хозяева, принимающие гостей по-русски» [9. С. 29], а образ представителя империи на отдалённой окраине составлен из органично сочетающихся черт человека профанного и человека государственной функции. Один из комендантов, Михаил Петрович Юний, в травелоге Пашино предстаёт как типичный туркестанский администратор – герой обороны Севастополя, добрый и слегка глуповатый семьянин, въедливый управленец: «Комендант вмешался в разговор мой с его супругой, начав с советов мне купить здесь московских сухарей, американских бисквитов,

русских кренделей, но вскоре перешёл снова на значение форта в нашей торговле с ханствами» [9. С. 29].

На рубеже XIX–XX вв. сюжет о значимости российской административно-управленческой миссии продолжает презентироваться в текстах травелогов, меняясь формально, но не в своём содержании. Очень точно сформулировал отношение к генерал-губернаторской власти в Туркестане и её масштабу В.П. Вощинин: «...бесхитростная и полезная деятельность местной администрации, возглавляемой славным генералом Кауфманом...» [14. С. 14]. Представления имперского чиновничества о колонизации Туркестана как «русском деле» в этот период актуализировались в связи с эскалацией переселенческого движения из Европейской России и распространением аграрных практик в хозяйственной деятельности. По мнению экспертов, в новой колонизационной ситуации модель «ручного управления» краем, в которой главной фигурой являлась власть, продолжала сохраняться. Чиновник особых поручений при Переселенческом управлении МВД Н. Гаврилов, предваряя отчёт по поездке в Туркестан осенью 1910 г. историческим очерком колонизации края, отметив факт организации там первого русского посёлка Карабалты в 1874 г., констатировал, что для водворения первых русских переселенцев не было выработано единообразного порядка, не существовало никаких законодательных определений и правил заселения, которое производилось всецело по усмотрению областной и уездной администрации [15. С. 1–2]. И. Гейер по результатам поездки по русским селениям Сыр-Дарьинской области в 1893 г. уверенно отмечал: «...устройство переселенцев всей своей тяжестью ложится на администрацию и только благодаря её энергии в нашей области насчитывается в данное время 47 посёлков с 16 000 душ русских крестьян» [11. С. 28]. Несмотря на изменившиеся обстоятельства колонизации Туркестана, риторика административного доминирования и миссионерской функции имперской власти в травелогах путешественников остаётся основополагающей. А.В. Кривошеин в записке по итогам служебного путешествия в Туркестанский край в 1912 г. рельефно обозначил предварительные итоги государственной деятельности в регионе: «Что дали Туркестану русские? Твёрдую, справедливую власть, порядок, спокойствие, собственность...» [12. С. 358].

Во-вторых, образ русского Туркестана в литературе путешествий второй половины XIX – начала XX в. конструируется с очевидной оглядкой на эволюционистские цивилизаторские установки, очень точно примененные к российскому колонизационному опыту отечественными востоковедами. В.В. Григорьев, в частности, писал: «...Основные черты русской национальности: любовь к родине, единовластию, православной вере врезались глубже в нашу природу и могли уравновешивать блистательную способность славянского племени принимать в себя человеческое..., способность, дающую русскому народу первое место между племенами земли...» [16. С. 6]. По мнению Григорьева, основным средством приращения окраин к имперскому «телу» является способность «...воспитать или перевоспитать, возродить или переродить большую часть народов этой стороны света..., возвысить их до себя, уподобить себе и слить в одно великое, святое семейство» [16. С. 7–8]. В этой связи реализация политики «русского дела» в Туркестане препрезентировалась в травелогах с опорой на позитивный образ русского человека как гаранта безопасности империи на далёких окраинах и активного культуртрегера. Если в ранних травелогах 1860-х гг. в «оптике» авторов чаще всего оказывались русские люди военных профессий – казаки, гвардейские офицеры, то по мере эскалации имперской деятельности в Туркестане в 1890-х гг. – начале XX в. реестр русского присутствия существенно расширился за счёт крестьян-мигрантов, чиновников переселенческого ведомства, инженерно-технических работников, агрономов, учителей, священнослужителей и т.д.

Следует отметить, что авторы травелогов, признавая в целом наличие проблемных зон в политике «русского дела» и практиках её реализации, препрезентировали Туркестан с акцентом на положительное значение русского присутствия в регионе. И. Гейер, составляя свои наблюдения в период кризиса переселенческого дела в начале 1890-х гг., в пафосной манере писал: «Чем ближе приближаешься к Чимкенту, тем больше проникаешься сознанием, что путешествуешь по русской стране. Зипун и косоворотая рубаха энергично борются за право преобладания в народной толпе» [11. С. 34–35]. В.П. Вощинин, восхищаясь успехами русской колонизации, увязывал хозяйственно-экономические достижения России в Туркестанском крае с культурным потенциалом русского народа: «В прежних бесплодных степях

начинает селиться русский народ, а с ним вместе медленно, но, кажется, верно, в толщу незапамятных туземных предрассудков и верований начинает проникать культура русская. Так... незримо растёт и крепнет Туркестан “новый”» [14. С. 11–12].

Симптоматично, что апология русского доминирования в представлениях путешественников конца XIX – начала XX в. диссонировала с образом Туркестана под властью Российской империи, конструируемого в трактатах 1860–1870-х гг. В период начальной фазы колонизации края в сообществе публицистов, писателей, чиновников, посещавших Туркестан по тем или иным поводам, широкое распространение получило убеждение в перспективах быстрой интеграции коренного населения в российский социум и торжества идеи создания «большой русской нации». Во многом данный взгляд навязывался обществу высшей региональной бюрократией. Так, например, первый Туркестанский генерал-губернатор А.П. фон Кауфман неоднократно говорил о необходимости активного учреждения русских школ для инородцев, в результате чего «они обрусеют и примкнут к русской гражданственности... а мусульманство не будет уже в состоянии оказывать на них своего влияния, не соответствующего идеям и принципам европейской цивилизации» [15. С. 26]. К концу XIX столетия становилось очевидным, что политика стирания культурных различий не дала ожидаемых результатов, трансформировавшись в своеобразную модель геттоизации русского и инородческого сегментов населения региона. В.П. Вощинин в «Очерках нового Туркестана» и А.А. Татищев в воспоминаниях о службе в переселенческом ведомстве в отношении периода 1914–1916 гг. согласованно указывали на чёткую демаркационную линию, разделившую Туркестанский край на русскую и автохтонную части. Символическим маркером Туркестана первых десятилетий XX в. для обоих авторов стал г. Ташкент, топографически раздвоенный на русские и туземные кварталы. В.П. Вощинин старательно подчёркивал в своих заметках, что «новый Ташкент» сосредоточен именно в русской части города, где располагался дворец генерал-губернатора, домик Черняева, памятник Кауфману, магазины, театры, синематограф, «Хива, другими словами – это «...Европа, с её культурой и внешностью» [14. С. 11]. По убеждению Вощинина, символическое разделение культур в Ташкенте «проявляется и на турке-

станских полях» [14. С. 11]. А.А. Татищев писал, что для нас туземный город как бы не существовал, поскольку линия трамвая тянулась вдоль лабиринта узких улиц, где располагались дома сартов, по местной архитектурной традиции обращённые окнами во двор, а от туземного города русские кварталы были отрезаны рвом глубокого арыка [10. С. 157]. Выводы Татищева о взаимной обособленности русских жителей города и коренных сартов сопровождаются ироническим описанием царских дней в Ташкенте, во время которых «седобородые сарты в национальных халатах после молебна на площади перед собором изъявили генерал-губернатору чувство верноподданнической преданности (неизменно через переводчика, хотя и умели говорить по-русски)» [10. С. 157].

Выскажем предположение, что разобщённость и замкнутость русского и инородческого «Ташкентов», представленные в репрезентациях поздних травелогов, свидетельствовали о системном кризисе имперской политики культурной интеграции, что наглядно было выражено в описании формализованных демонстраций единства и глубокой преданности инородцев русскому самодержцу. Несоответствие прогнозируемого и действительности во многом определяло *противоречивость* образа русского Туркестана, создаваемого в литературе путешествий. Конфликт между концептами «Туркестан – колония» и «Туркестан – Россия», существовавший в общественно-политическом дискурсе в латентной форме с момента военного завоевания региона, актуализировался уже во второй половине XIX в., когда массовое переселенческое движение, образование посёлков селитебного типа, распространение аграрных форм хозяйственной деятельности активизировали приток в Туркестанский край крестьянства из европейских губерний России. Казалось, что имперская формула «только та земля является русской, где прошёл плуг её пахаря» неминуемо будет реализована в земледельческих областях Туркестана: сарты-земледельцы средствами русского образования интегрируются в российский социум, а кочевники-киргизы перейдут к оседлому образу жизни. Однако на практике данный проект оказался эфемерным и трудноисполнимым. Показательно, что даже преисполненные цивилизаторского оптимизма имперские эксперты, путешествовавшие по Туркестанскому краю в 1860-х гг., для которых русификаторские иде-

алы были предметом веры и научных убеждений, периодически высказывали сомнения в культуртрегерских способностях русского народа и, соответственно, в возможностях «освоения» региона исключительно по российским имперским лекалам. П.И. Пашино в описании первых русских крестьянских посёлков Сыр-Дарынской области указывал на общее неустройство земледельческих поселений и весьма благосклонно комментировал разработки «одного чудака, который несколько лет занимался составлением проекта о заселении Сыр-Дары немецкими колонистами» [9. С. 22]. В начале ХХ в. в текстах имперских экспертов энтузиазм относительно русификации края как органичного процесса постепенно вытеснялся требованиями предоставить российским крестьянам-переселенцам особые преревенции, поскольку «хозяйство пришлых людей должно быть устойчивым, и политическое значение русской колонизации обязывает дать переселенцам доступ именно на поливные земли, к ценным культурам» [12. С. 338].

Показательно, что в материалах травелогов по результатам деловых поездок, связанных с ознакомлением с постановкой переселенческого дела в Туркестанском крае начала ХХ в., одним из центральных становится сюжет о качестве колонизационного материала. В дискурсе русского Туркестана, препрезентируемого в литературе путешествий, особое внимание уделялось религиозной составляющей, поскольку в проекте «освоения» региона и политике населения империи культурное выравнивание предполагало полное торжество православия. Однако количественный прирост православного населения в результате аграрных миграций дал иной эффект. Российский экономист и чиновник А.А. Кауфман, выделяя среди русских переселенцев группы пришедших самовольно либо на законных основаниях из европейской части России как успешно устроенных в экономическом отношении, тем не менее отмечал готовность данной категории крестьянства двинуться незамедлительно на новые места, констатируя, что хозяйствственные успехи российских переселенцев часто завышаются за счёт иноконфессиональных сообществ, устроившихся в Туркестане усилиями своих однообщинников [17. С. 13]. Имперские эксперты, размышляя о перспективах освоения отдалённых окраин, в качестве идеала колонизатора видели преимущественно иноэтничных и

иноконфессиональных переселенцев – «предприимчивых, зажиточных, знающих страну», «одушевлённых религией, развитых, трудолюбивых, трезвых», «которые куда ни придут, везде найдут себе Америку» [18. С. 239]. По мнению А. Иванова, к группам, наиболее успешно реализовавшим свой колонизационный потенциал, относились раскольники, сумевшие создать образцовые поселения не только в пределах России, но и в мусульманских странах [18. С. 239].

Подводя итог, отметим сложноустроенность и многокомпонентность образа русского Туркестана как интеллектуального конструкта, препрезентируемого в литературе путешествий российских имперских экспертов, – локального сообщества, собранного из различных социальных страт и профессиональных групп, но обладавших общей идентичностью. Транслируя в травелогах представления о регионе, сообщество экспертов в своих наблюдениях и выводах стремилось соответствовать основным «трендам» государственной политики в Туркестанском крае: активному русификаторству средствами образования и переселенческого движения, культурному выравниванию методами христианизации и «умиротворения» сторонников ислама, знаковой функциональной роли российского администрирования и т.д. Вместе с тем непосредственное соприкосновение путешественников с разными аспектами организации российского присутствия в Туркестане существенно корректировало шаблонный образ региона, наполняя его новыми коннотациями. Инерционность, многослойность, противоречивость представлений имперских экспертов о Туркестанском крае, в которых фиксировалась неоднозначность презентации Туркестана как «собственного Востока России», задавали новые контуры образного восприятия края, внося правки в реализацию имперской политики на восточных окраинах страны.

Список источников

1. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М. : Кучково поле, 2001. 288 с.
3. Миллер А.И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них Россия // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/52/>

4. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб. : Алетейя, 2003. 331 с.
5. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск : НГПУ, 2006. 343 с.
6. Чуркин М.К. Образ имперского субалтерна в дискурсе трапезологов алтайских миссионеров второй половины XIX – начала XX века // Современная регионалистика: традиционные подходы и новые направления : сб. ст. III Международной научной конференции, посвященной 75-летию доктора филологических наук, профессора Н.А. Дворяшиной, Сургут, 26–27 октября 2023 г. Сургут : Сургутский государственный педагогический университет, 2024. С. 39–44.
7. Саид Э. Ориентализм. М. : Музей современного искусства Гараж, 2021. 560 с.
8. Беккер С. Россия и концепт империи // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань : Центр исследования национализма и империи, 2004. С. 76–77.
9. Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 г. Путевые записки. СПб. : Тип. Таблена, 1868. 176 с.
10. Татищев А.А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М. : Русский путь, 2001. 376 с.
11. Гейер И. По русским селениям Сыр-Дарынской области (письма с дороги). Ташкент : Типо-литография бр. Каменских, 1893. 174 с.
12. Кривошеин А.В. Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. // Вопросы колонизации. 1913. № 12. С. 297–365.
13. Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана. М. : Типо-литография И.Н. Кушнерёва, 1910. 247 с.
14. Вощинин В.П. Очерки нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации. СПб. : Тип. «Наш век», 1914. 86 с.
15. Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарынская, Самаркандская, Ферганская): Отчёт по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Н. Гаврилова. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершуни, 1911. 336 с.
16. Григорьев В.В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнесённая исправляющим должность профессором В. Григорьевым. Одесса, 1840. 18 с.
17. Кауфман А.А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края: Отчёт члена учёного комитета Министерства земледелия и государственных имуществ А.А. Кауфмана по командировке летом 1903 г. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1903. 205 с.
18. Иванов А. Русская колонизация в Туркестанском крае. СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза». 244 с.

References

1. Etkind, A. (2016) *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal Colonization. Russia's Imperial Experience]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Anderson, B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole.
3. Miller, A.I. (2001) Tema Tsentral'noy Evropy: istoriya, sovremennye diskursy i mesto v nikh Rossii [The Theme of Central Europe: History, Contemporary Discourses and Russia's Place in Them]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 52. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/52/> (Accessed: 26.06.2024).
4. Zamyatin, D.N. (2003) *Gumanitarnaya geografiya: Prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov* [Humanitarian Geography: Space and Language of Geographical Images]. Saint Petersburg: Aleteiya.
5. Rodigina, N.N. (2006) *"Drugaya Rossiya": obraz Sibiri v russkoi zhurnal'noi presse vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* ["The Other Russia": The Image of Siberia in the Russian Journal Press of the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. Novosibirsk: NGPU.
6. Churkin, M.K. (2024) [The Image of the Imperial Subaltern in the Discourse of Travelogues by Altai Missionaries in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. *Sovremennaya regionalistika: traditsionnye podkhody i novye napravleniya* [Modern Regional Studies: Traditional Approaches and New Directions]. Proceedings of the 3rd International Conference Dedicated to the 75th Anniversary of Doctor of Philological Sciences, Professor N.A. Dvoryashina. Surgut. October 26–27, 2023. Surgut: Surgut State Pedagogical University. pp. 39–44. (In Russian).
7. Said, E. (2021) *Orientalizm* [Orientalism]. Moscow: Muzei sovremenennogo iskusstva Garazh.
8. Bekker, S. (2004) Rossiya i kontsept imperii [Russia and the Concept of Empire]. In: *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva* [New Imperial History of the Post-Soviet Space]. Kazan: Tsentr Issledovaniya Natsionalizma i Imperii. pp. 76–77.
9. Pashino, P.I. (1868) *Turkestanskiy kray v 1866 g. Putevyye zapiski* [Turkestan region in 1866. Travel notes]. Saint Petersburg: Tip. Tablena.
10. Tatishchev, A.A. (2001) *Zemli i lyudi. V gushche pereselencheskogo dvizheniya (1906–1921)* [Lands and People. In the Thick of the Resettlement Movement (1906–1921)]. Moscow: Russkii put'.
11. Geyer, I. (1893) *Po russkim seleniyam Syr-Dar'inskoi oblasti (pis'ma s dorogi)* [Through Russian Villages of the Syr-Darya Region (Letters from the Road)]. Tashkent: Tipe-litografiya br. Kamenskikh.
12. Krivoshein, A.V. (1913) *Zapiska glavnoupravlyayushchego zemleustroystvom i zemledeliem o poezdke v Turkestanskiy kray v 1912 g.* [Note of the Chief Manager

of Land Management and Agriculture about a trip to the Turkestan region in 1912]. *Voprosy kolonizatsii*. 12. pp. 297–365.

13. Anon. (1910) *Kaufmanskiy sbornik, izdannyy v pamyat' 25 let, istekshikh so dnya smerti pokoritelya i ustroitelya Turkestanskogo kraya general-ad'yutanta K.P. fon Kaufmana* [Kaufman collection, published in memory of the 25 years that have passed since the death of the conqueror and organizer of the Turkestan region, Adjutant General K.P. von Kaufman]. Moscow: Tipo-litografiya I.N. Kushnereva.

14. Voshchinin, V.P. (1914) *Ocherki novogo Turkestana. Svet i teni russkoy kolonizatsii* [Essays on the new Turkestan. Light and shadows of Russian colonization]. Saint Petersburg: Tip. "Nash vek".

15. Anon. (1911) *Pereselencheskoe delo v Turkestanskem krae (oblasti Syr-Dar'inskaya, Samarkandskaya, Ferganskaya): Otchet po sluzhebnoy poezdke v Turkestan osen'yu 1910 g. chinovnika osobykh porucheniy pri Pereselencheskom upravlenii N. Gavrilova* [Resettlement in the Turkestan region (Syr-Darya, Samarkand, Fergana regions): Report on a service trip to Turkestan in the fall of 1910 g. of the official of special assignments at the Settlement Administration N. Gavrilov]. Saint Petersburg: Tip. F. Vaysberga i P. Gershuni.

16. Grigor'ev, V.V. (1840) *Ob otnoshenii Rossii k Vostoku: Rech', proiznesennaya ispravlyayushchim dolzhnost' professorom V. Grigor'evym* [On Russia's attitude toward the East: Speech delivered by the acting professor V. Grigoryev]. Odessa.

17. Kaufman, A.A. (1903) *K voprosu o russkoy kolonizatsii Turkestanskogo kraya: Otchet chlena uchenogo komiteta Ministerstva zemledeliya i gosudarstvennykh imushchestv A.A. Kaufmana po komandirovke letom 1903 g.* [On the Russian colonization of the Turkestan region: Report of A.A. Kaufman, member of the scientific committee of the Ministry of Land and State Properties, on a business trip in the summer of 1903]. Saint Petersburg: Tip. V. Kirshbauma.

18. Ivanov, A. (n.d.) *Russkaya kolonizatsiya v Turkestanskem krae* [Russian colonization in the Turkestan region]. Saint Petersburg: Tip. T-va "Obshchestvennaya pol'za".

Информация об авторах:

Чуркин М.К. – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета (Омск, Россия); главный научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук (Тобольск, Россия). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

Маткаримова С.М. – д-р ист. наук, профессор кафедры истории Университета Мамун (Хива, Республика Узбекистан). E-mail: sadokatmatkarimova@yandex.ru

Маткаримова Н.М. – доцент кафедры истории Университета Мамун (Хива, Республика Узбекистан). E-mail: ms.mnnm.79@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

М.К. Чуркин, Dr. Sci. (History), professor, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation); leading researcher, Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

С.М. Маткаримова, Dr. Sci. (History), professor, Mamun University (Khiva, Republic of Uzbekistan). E-mail: sadokatmatkarimova@yandex.ru

Н.М. Маткаримова, associate professor, Mamun University (Khiva, Republic of Uzbekistan). E-mail: ms.mmm.79@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 5.06.2025.

The article was accepted for publication 5.06.2025.